

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Александр Кузнецов-Тулянин

**Человек
из рая**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ-ТУЛЯНИН

ЧЕЛОВЕК ИЗ РАЯ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Александр Кузнецов-Тулянин родился в 1963 году в Туле. Вместе с родителями, большими любителями приключений, ребенком попал на Дальний Восток. Склонен считать себя человеком с двумя родинami: попеременно жил на материке и на востоке. В общей сложности на Сахалине и Курилах прожил около десяти лет.

Служил в армии, работал в газетах, заочно учился в МГУ. Женат, двое детей. В годы ельцинского обвала занимался полуподпольным бизнесом. Обанкротился через два года, благодаря чему появилось время для письменного стола.

Писать прозу начал в 1994 году. Вскоре — первая публикация в серьезном журнале («Октябрь»). По-настоящему публиковаться начал только в 2000 году. Печатался в журналах «Континент», «Дружба народов», «Октябрь», «Москва», «Новый мир» и в других менее значительных центральных и областных изданиях. Отдельная книга одна.

Несколько рассказов и роман выдвигались на разные премии. Роман дважды входил в шорт-лист премии «Ясная Поляна», один рассказ победил в премии им. Андрея Платонова.

© Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
© Терра—Книжный клуб, 2008

ЧЕЛОВЕК ИЗ РАЯ

— история одного сватовства —

Ну и хибара! Нормальный гражданин цивилизации, привыкший к «осязаемым», теплым словам «гостиная», «ванная», «спальня», на такую хибару без слез, без содрогания и смотреть не сможет. Я провёл в ней три года, но так и не вжился в ее тесноту, ветхость, плесневелость, продуваемость, крысивость... Послевоенные южнокурильские строители, возводившие такие хибары-бараки, были простыми мужиками, они имели смутное представление об изысках архитектуры, важна им была только вместимость: дом на шесть семей, на восемь, на десять... Клетушки два с половиной на три, с печью-голландкой посреди, с потолками высотой в одном углу — метр восемьдесят, в другом — метр девяносто, с окошечком на уровне живота, с метровым чуланчиком, саркастически обзываемым кухней, с дверью из этого чуланчика сразу на двор, с океаном во дворе, с северо-восточными тайфунами в океане, с зимними буранами, с землетрясениями, цунами... Жизнь — без цивилизаторского ханжества, вполне временная, какая она и есть на самом деле, во временной котомочной стране...

Уже не перечить, скольких жильцов пропустила через себя наша хибара, этих своих нахлебников, приемышей, истязателей, каждый из которых норовил что-то в ней разломать, переделать, сгородить, пристроить, так что хибара обросла кособокими верандочками, конурами, курятниками, ящиками, обретя в итоге совершенно непоправимую, окончательную уродливость... Толпы жильцов укатали каждый в свое будущее, и живем-доживаем теперь в бараке мы — горсть бичей, да тех, кого зовут перекатиполом, да

пара совсем уж туманных личностей, которых и бичами не назовешь (отщепенцы даже общества бичей, имена которых мало кому известны и, может быть, малоизвестны, забываются даже своими обладателями). Стал барак чем-то вроде бесхозного общежития. Единственная нить жизни, соединяющая его с цивилизацией, — электрический провод с напряжением в сто семьдесят вольт (остальное теряется по пути).

Мои три года житья в бараке — мелочь, вот сосед живет в комнате за стеной больше двадцати лет. И оттого, что собственный рост его достигает метра девяноста, распрямиться у себя дома он может только в одном углу. Он так и живет, когда бывает дома, вприсядку-пригибку, обмахивая могучей шевелюрой потолок, хотя характер имеет, конечно, вовсе нестигаемый.

Комната соседа насквозь прокурена. Он каждое утро начинает с того, что садится на глубоко провалившейся железной кровати, пережившей колхозно-казенные времена, спускает длинные мосластые ноги на грязный пол и задумчиво закуривает крепкую сигарету. Затягиваясь, щурясь от дыма, надевает поношенное темно-синее спортивное трико с желтыми лампасами и перемещается к табурету, опять садится — резкий подъем в его положении просто опасен. Потом, согнувшись, почесывая широченной пятерней черноволосую грудь, выбирается на улицу, и здесь тоже садится — теперь на порожек у своего входа, — рефлекс силен. Дешевую вонючую сигарету он держит указательным и большим пальцем, развернув огоньком к внутренней стороне ладони — привычка людей, много времени проводящих на ветру, в дождь. Он глубоко затягивается, прикрывает глаза, и ему, наверное, абсолютно все равно в эти минуты, есть рядом люди, смотрит ли кто на него или даже спрашивают ли о чем, он никого и ничего не замечает, он плюет на все мироздание.

Он медленно приходит в себя, с опаской поднимается, расправляет плечи и направляется к колодцу, набирает полное ведро, ставит наземь и, низко склонившись, черпая воду пригоршнями прямо из ведра, умывается, обливая себе плечи, грудь, загривок. Он кричит и рычит, как голодный медведь. Голова его мохната, и, кажется,

что необыкновенная его шевелюра — предмет гордости хозяина — смолянистая, не поддающаяся расческе, каждый волосок в которой — мелко закрученная металлическая спираль, — шевелюра могла перекочевать в Россию только из эфиопских саванн. Какого его предка занесло на наши ледяные просторы?

Сосед, по курильским меркам, малопьющий, можно сказать, что почти не пьющий. Единственная алкогольная мелочь, которую он себе позволяет, — это субботняя бутылка спирта после бани. «Да ну ее, — оправдывает он свое равнодушие к спиртному. — Я от нее только сплю». Но после бани он все-таки обстоятельно раскладывает на столе закуску — в основном всевозможные консервы. Может пригласить по-соседски меня. Иногда я захожу и выпиваю с ним за компанию стопку-другую неразведенного спирта: мне хватает этого тяжелого пойла, я пасую. И он совершенно спокойно пожимает плечами, говорит: «Хозяин — барин». И тогда стопка за стопкой, хорошо закусывая, он выпивает всю бутылку. И я остаюсь доволен моим соседом — за то, что в нем отсутствует свойственная островитянам навязчивая, докучливая щедрость и не имеющее границ пьяное панибратство.

А он степенно рассказывает, и я вижу благодарность на его раскрасневшемся широком костистом лице, если я внимательно слушаю какую-нибудь историю из его жизни в лесу, где он только и становится самим собой. Если же он замечает, что я рассеян, то не обижается и все равно рассказывает. При этом он может прилечь на свою короткую кровать — ноги его высовываются за спинку чудовищными мослами. Он продолжает говорить — все медленнее, часто замолкая, забывая, на чем остановился, да так незаметно и засыпает. Шевелюра его накрывает маленькую подушку, лицо успокаивается — на нем отражается обстоятельная законченная философия, по которой выходит, что центральное место во вселенной — это маленькая охотничья полуземлянка в одном из кунаширских распадков, нисходящих глубокими темными морщинами по вулканическому склону. Мне же, так и не дослушав, чем закончилось очередное удачное медвежье убийство, приходится убраться вос-
воси.

Артем Кистин, так зовут моего соседа, принадлежит к тому типу людей, которых в народе называют лосями. Об этом высоком жилистом человеке нельзя сказать, что в нем скрыта большая сила. Она вовсе не скрыта, она неприкрыто прет из него при каждом движении. Однажды я видел, как он пальцами давил грецкие орехи. И лицо его при этом ничего не выражало, да и что может выражать лицо человека, который просто ест орехи. Наверное, поэтому никто из числа наших беспокойных соседей не докучает остальным. В нашем бараке почти не бывает диких пьянок с боем грязных оконных стекол и красных опухших физиономий. Все эти спившиеся Лёньки и Жоры, затасканные Верки и Зинули откровенно побаиваются Кистина, в общем-то одного из самых добродушных людей в поселке. Когда же у пропитушной четы Булыгиных все-таки поднимается скандал и за стеной раздается душераздирающий визг и бессвязная матерщина, Артем выходит на улицу и, открыв дверь в комнату супругов, не входя, с порога говорит — совсем не зло, а таким голосом, словно пытается дозваться до человека в отдалении:

— Дай тишины, говорю! Залезь под подушку и там балагань.

И что удивительно, скандал послушно перемещается в какие-то глухие закуты и постепенно совсем затухает. За минувшие годы я не припомню случая, чтобы кто-то стал возражать ему. Для большинства он личность темная, с неясным полууголовным прошлым, да к тому же — охотник, медвежатник, причем одиночка, не терпящий напарников. Что же может быть в голове у человека, который не боится со старым незарегистрированным «ТОЗом» двенадцатого калибра один на один ходить на хозяина курильских джунглей?

На Курилах Артем жил как придется. Были времена обязательного колхозничества, и он послушно трудился каждую путину на прибрежном лове лососей. Когда колхоз развалился и рыбалка сократилась, перебивался грузчиком на пирсе, а то и вовсе ничего не зарабатывал, жил на подножном корму: ел рыбу, креветки, дичь. Потом стал каждое лето работать в сезонной бригадке из трех человек на добыче креветки (не из-за денег, конечно, а скорее только в силу привычки трудиться), а с осени — охотился, по местным традициям особо не вникая, где кончается охота и начинается браконь-

ерство, — бил нерпу на лежбищах, ставил капканы на лису. Если же попадался соболь — брал соболя, подворачивался медвежий след (кунаширский медведь не ложится в спячку) — вставал на тропу, устраивал засидку, валил по возможности и медведя — за качественную шкуру контрабандист-перекупщик по кличке Нагассаки (так уж звали перекупщика, затягивая серединную «с») платил ему до двухсот долларов. А спроси Артема, зачем ему деньги, он и ответить не смог бы. Все свои заработки он распахивал по жилью: сунет в стол, под подушку, а то и в карман старой потрепанной телогрейки на гвозде у двери. Сколько раз его обворовывали, он и сам не знает. «Вот помню, — может посетовать он, — сдали японцам креветку, я пятьсот «зеленых» получил. А где они, не найду...»

* * *

Он засыпает, не окончив рассказа, я возвращаюсь к себе и почему-то пытаюсь вообразить чужой (его) сон, наверное, полный тех странных и страшных охотничьих событий, на которые вполне добровольно обрекает себя человек. Мне трудно представить поведение охотника, я никогда не прикасался и, надеюсь, что не прикоснусь к оружию для убийства невинного зверя, но, как ни странно, я завидую — иначе я и не могу назвать это чувство — нет, не смелости, а, если быть откровенным, — жесткости и даже жестокости тех, кто способен всадить пулю в голову животного. И вот я воображаю себе, как бы сам я повел себя на месте этого человека.

После многочасовых блужданий по следу он спускается по распадку к шумному океанскому побережью и случайно выходит вовсе не на медведя-самца, которого скрадывал, а на молодую медведицу с пестуном. И только задним умом успевает сообразить, что старый медведь и шел к этой самке, на ее запах, на молчаливый неодолимый зов.

— Если бы она не поперла на меня, то я отпустил бы ее...

И сначала все замирают, все трое: человек и два зверя. Медвежонок растерянно присел в высокой почерневшей от заморозков траве и смотрит в сторону человека крохотными ошалевшими глазками. Метров тридцать отделяет охотника от медведицы. И разве угада-

ешь, что там делается в твердолобой голове, в мозгу, маленьком, как сморщенное яблоко, и какие могут зреть и уместаться там эмоции и образы? И знает ли сам зверь, что он предпримет в следующую секунду: бросится на человека или попробует уйти, прикрывая собою пестуна?

Человек опережает медведицу (человек всегда опережает), уж ему-то ясно, что им никак не разминуться на узкой звериной тропе, и когда медведица подается вперед, курки уже взведены и приклад вливается в плечо. Цевье и ложе, там, где их держат руки, стали влажными. И вот уже пресеклось дыхание человека. Он много чего увидит и почувствует в эти секунды, почувствует где-то в животе у себя болезненный комок, и услышит, как ухаёт сердце, что уши закладывает и не слышно больше ничего вокруг, кроме шума адреналина, увидит, когда медведица уже побежит на него, как ее когти глубоко входят в мягкую почву, увидит даже блестящие капельки воды, срывающиеся с мокрой шерсти — медведица до этого ловила кету в реке. И почувствует, что его собственный организм совсем не подчиняется разуму, который сейчас не способен ни одной мысли повернуть в своих жерновах, и организм, отделенный от оцепеневшего разума, все сделает сам: глаза его внимательны и руки, несмотря на сильное волнение, необыкновенно тверды — глаза сами отмеряют расстояние, когда пальцу нужно будет надавить на спусковой крючок. Но человек словно не заметит всех этих мелочей, они всплывут в памяти позже, когда все уже произойдет и охотник, перезарядив левый полукоковый ствол ружья, дохнувший ему в лицо гарью, подойдет к поверженной медведице со спины и, целясь в основание ее черепа, подождет, когда стихнут ее буйные смертные судороги, а потом с опаской попинает ее в спину и только потом снимет и положит на землю рюкзак, сверху пристроит ружье стволами в сторону, и перед тем как начать свежевать тушу, по которой еще минут пятнадцать будут ходить мелкие затухающие волны мышечных сокращений, расслаблено закурит и, может быть, равнодушно поищет глазами пестуна, но того и след уже простынет. Тогда человек подумает: «Наверное, не выживет без мамки. — И еще мысленно добавит о медведице, но уже не глядя на нее, потому

что незачем лишний раз глядеть на смерть: — Дура дурой, сама нарвалась...» Но в душе его все-таки будет вертеться, скакать, прорываться поверх мудрой грусти мальчишеское ликование: «Надо же, с первого выстрела завалил, точно в холку...»

* * *

Артем начинает готовиться к охоте почти за две недели. Он извлекает из-под кровати свой арсенал: завернутое в чистую мешковину ружье и три фанерных посылочных ящика, в которых — патроны, гильзы, жестяные банки с порохом и дробью, капсюли, пыжи, выписанные с материка новые пули с пластмассовым оперением...

В комнате может сладковато запахнуть эфиром, когда он вскрывает банку со свежим порохом, или пахнет серой, когда он опробует залежавшиеся капсюли, или лаком, которым он подновляет ружейное ложе. Рассказы его становятся скуднее, субботняя бутылка отменяется, он погружается в работу. Он отмеряет порох на аптечных весах с тем же усердием, с каким, наверное, средневековый алхимик изготавливал эликсир для превращения свинца в золото. Если же зайти к Артему в эти дни и присесть на табурет у двери, он, не отвлекаясь от дела, может изречь что-нибудь совершенно непонятное, не поддающееся в моей голове расшифровке:

— «Сунар» требует более точной довески, чем «Сокол». Он мощнее, но непредсказуем. Я недавно достал обтюраторы, а с ними при неудачной довеске разнос в полметра на пятьдесят шагов...

Через несколько дней он уйдет ставить капканы на лису, стрелять из укрытия нерпу на лежбищах. Зима уже посыпала остров белым, а она, как я догадываюсь, насылает болезнь на охотников, своего рода паранойю.

— На приваду в конце сентября прикопал две туши сивучей. По полтонны, — доверительно сообщает он мне. — Затухнуть хорошо должны, ноябрь был теплым...

Его уже ничто не интересует, кроме двух вонючих туш, которые он будет использовать в качестве приманки. И он начинает мне обстоятельно разъяснять, как надо сохранить приваду, чтобы ее не растащили звери. И кажется, что Артем родился со всем

этим в голове. Глядя на него, никогда не подумаешь, что прошлое обветренного до багровости простодушного человека содержит нечто такое, что совсем не вяжется с его нынешней грубой и простой сущностью. А ведь весь поселок знает, хотя Артем, кажется, никогда никому не рассказывал, о том, что лет до двадцати пяти был он москвичом, учился в МГУ, а потом и в аспирантуре и якобы даже готовил диссертацию. А потом вся его прекрасно-размеренная преуспевающая жизнь прервалась и молодой химик сменил ее на «химию» уголовную, сводившуюся к весьма простым опытам: бери больше, кидай дальше (я усматриваю в решении судьи, присудившего Артему два года «химии», не что иное, как сарказм, насмешку над химиком). Что послужило причиной такой перемены обстоятельств в жизни Артема: побил ли он кого-то, или как-то еще похулиганил, или назвал сволочью сволочь... — было тайной, о которой не принято спрашивать. Поселку о его уголовном опыте было известно совсем немного, только то, что «химичил» он на шпалопропиточном заводе.

После «химии» он мотался по стране, о чем охотно рассказывал, а еще года через два осел на Курилах. Какое-то время он продолжал нырять на материк, ездивал в отпуска, таскался за юбками, кутил в московских и сочинских кабаках, полностью спуская заработанные за год дальневосточные капиталы. Но, видимо, он был уже совсем другим человеком, плохо понимаемым и принимаемым теми, кто на материке знал его раньше. В конце концов двадцать с лишним лет жизни на острове, большую часть которых Артем провел в лесу и на диких рыболовецких тонях, сделали свое. Но я бы все равно поостерегся предполагать, что Артем растратил свой интеллект. Так сказать о любом человеке, поменявшем, поломавшем, переиначившим жизнь, было бы, наверное, слишком просто и лицемерно. Несомненно лишь то, что он перешел в другое измерение, в другое качество. Острова приняли его, и он вжился в их непростой мир, в котором все оценивается иными мерками, совсем не такими как в большом городе.

Когда в стране настали времена так называемых реформ, он, особо и не кручинясь, окончательно застрял на Кунашире — сначала

не стало денег на дорогу, а потом у него и вовсе прошла тяга к перемене мест. Десять лет он жил на Кунашире безвыездно, уже не поглядывая в ту сторону, где садилось солнце. Для кунаширцев такие погляды наиболее болезненны: Россия от острова прикрыта гористым, похожим на шипованный хвост динозавра отростком Хоккайдо — полуостровом Сиретоко.

Артем не был затворником — встречался с разными дамами местного общества. Последняя была Альбина, существо непритязательное, но выразительное, связи с которым сам Артем страшно стеснялся, прокрадываясь к ней на другой конец поселка редкими нестерпимыми ночами.

Альбина была посудомойкой в столовой рыбозавода. Она изрядно попивала. Когда я подвизался в консервном цеху разнорабочим и ходил обедать в столовую, то мог иногда видеть, как Альбина высывала из своего окошка синее с похмелья лицо и, сильно заикаясь, громко говорила:

«Ка-а-акая па-а-адла опять ста-а-акан в кашу по-о-олойжила».

В конце концов дамы, правда, не местные, а московские, сыграли с Артемом злую шутку. К чести их сказать, и сами они о том не ведали, и шутка получилась как бы заочная, нечаянная.

Минувшим летом перед носом Артема вдруг замаячило то, что люди называют птицей счастья (пытаясь, видимо, летучей крылатостью выражения заслонить свои довольно-таки основательные сомнения в действительности счастья). И не просто замаячило, не просто представилась возможность поправить жизнь, — перед Артемом неожиданно-негаданно настезь распахнулись двери его, казалось бы, навсегда ускользнувшего прошлого: хочешь — вернись и заживи нормальным человеком. Письмо, которое он получил от родной сестры, так и вещало: повалял дурака и хватит, возвращайся, не за горами полтинник...

Старшая сестра его была женщиной занятой — кроме этого письма, одного за последние два года, Артем каждый год исправно получал еще две поздравительные телеграммы: на Новый год и следом — на свой день рождения, 15 января. Понятно, что и сам он в эпистолярном жанре не усердствовал.

Сестра его преуспевала в новой пореформенной жизни, была владелицей парикмахерского салона, ездила по столице в дорогом автомобиле, жила в новой просторной квартире (обо всем этом она тоже, как бы между прочим, сообщала). Но главным в письме было другое, о чем Артем говорил мне с натянутой шутливостью, потрясая сложенными вчетверо листками:

— Посмотри ж ты на Люсьен (сестру звали Людмила), она мне пару нашла, спутницу жизни, даже фотографию прислала... — И он прерывался, чтобы немного (опять же как-то натянуто, неестественно) похохотать. — Без меня меня женили...

Но смех смехом, а на следующий день я видел Артема уже глубоко задумавшимся, а потом и вовсе на него навалилась тоска, всколыхнулось и опрокинулось что-то в человеке. Замкнувшись, напустив бровей на глаза, был он мрачен и тугодумен. Несколько дней блуждал он в неопределенных сферах, но, видимо, поняв, что одному не осилить тяжких раздумий, пришел ко мне за советом.

Он сидел на моем табурете словно в повинной позе, согнувшись, спрятав ладони в коленях. А я рассеянно ходил перед ним, заложив руки за спину. Ему неловко было, словно говорил он о чем-то непомерно стыдном, и робкий голос его подрагивал:

— Хорошая знакомая сестры... Ну, в общем, ничего женщина... В общем, свое небольшое дело... Хата трехкомнатная... Сорок один год, дочка замужем. А в личном плане не везет бабе... И в общем, сестра заочно ей обо мне... И та очень даже не против. Сестра зовет... И зовет настойчиво так, как будто все решено уже. Приезжай и все тут... Фотография есть...

Он сунул мне фотографию в руки. Хорошенькая, чуть полная мордашка с белыми, наверное, обесцвеченными локонами. Но что там за кадром, за локонами, в этой аккуратной головке, определить было невозможно — я не экстрасенс и не физиономист.

Было мне удивительно другое, о чем я не смел сказать Артему: сестра его — по редким намекам — дама прижимистая и строгая. И вдруг письмо опустившемуся братцу, отцепенцу, можно сказать, уголовнику. И такое неординарное предложение... К чему деловой женщине ввязываться в смутную историю? Это настораживало. Или

случилось чудо и шевельнулось что-то родственное в богатой пятидесятилетней женщине, которая вдруг почувствовала годы и почувствовала странную щемящую тяжесть на душе? А может быть, все куда тривиальнее: нужен был ей позарез родственный союз с какой-то там Алисой (или Василисой). Но в любом случае: было ее предложение реальным шансом для Артема подняться с того курльского дна, на котором он, кажется, уже навечно закорился, вырваться, уехать отсюда, вернуть хотя бы тень, запах прежнего, полнокровного, чем когда-то он жил.

Я понял, что достаточно моего слова, и Артем поступит так, как я и скажу. Ведь бывает в жизни многих людей минута, когда готовы они положиться на мнение даже совсем чужого человека, даже случайного встречного, к которому, будто замороженные, вдруг проникнутся необъяснимым доверием, и сказанное мимоходом слово перевернет (иногда в который уже раз) им всю жизнь, не всегда, правда, в лучшую сторону... Будь я благоразумным, я бы отделался, чтобы не взваливать на себя ответственность советчика, чем-нибудь дежурным, что, мол, в таких делах каждый должен принимать решения сам. Но ведь потянул меня все-таки за язык некий бесенок, обязательно живущий в каждом человеке: как же, меня спрашивают совета, мне доверяются, а я промолчу? Как бы не так!..

— А что ж, такой вариант — это уже что-то, это тебе не Альбина с грязными тарелками...

Наверное, вид мой был откровенным и сочувствующим, потому что Артем сразу вытянулся мне навстречу, чуть приоткрыв рот. И в конце концов я разошелся не на шутку:

— Да что там, Артем, такой шанс, что тут думать, бросай все на свете, езжай, садовая твоя голова... Что тебя держит в этой дыре, в этом «мухосранске»? Эта халабуда?! — Я с силой дал пинком в стену, дом вздрогнул. — Эта охота?! Заведешь себе борзую, купишь «ремингтон», или как ты там его называешь?.. Да будь я на твоём месте... Эх, Артем, Артем... Да что мне тебя учить, посмотри на эту стареющую бичню, которая еще не сдохла от водки. Да лучше бы им было сдохнуть... Да посмотри ты на себя, ты сам такой же бич, что у

тебя за будущее?! А здесь такой шанс... Москва, асфальт под ногами, «Опель» под задницей...

Я был зол на него, за его нерешительность, за его раздумья, за его удачу... И у Артема в конце концов не осталось никаких сомнений, не могло остаться: ехать и только ехать. Жениться!

За те несколько дней, которые он потратил на то, чтобы получить деньги в рыболовецкой конторе и выбить у Нагассаки старый долг, он преобразился еще больше. На него навалилась рассеянность, пренебрежительность, он бросил курить «Приму» и перешел на японские с длинным фильтром, с утонченным ароматом, держал сигарету не воровато в кулаке, а в уголке рта, взирая на окружающих сверху вниз, с прищуром, и мало с кем заговаривал. Он уже не был островитянином, туземцем, презренным аборигеном, он был жителем материка, и не просто материка — СТОЛИЦЫ, московским баринном, для которого все остальное внесосковское запределье — дыра дырой, страна навозная. В этой дыре он так — мимоходом, случай ненароком занес его сюда. И будто стал сходить суровый курильский загар с его лица, и обветренный нос перестал шелушиться. Но самые большие перемены произошли с его шевелюрой. Волосы, до того возвышавшиеся на голове невообразимым безобразием, паклей, которой конопатят кунгасы, кущами, в которых если и не водился никто, то лишь по причине непроходимости, — волосы теперь возлежали шаровидно, как вычищенный и подстриженный английским садовником куст, мимо которого должны были пройти гости во время торжественного приема: грубой металлической расческой Артем изрядно проредил прическу, поработал ножничками перед зеркалом, отсекая излишние рьяные спиральки. Прическа, по мнению Артема, должна была послужить весомым аргументом (помимо, конечно, рассказов про охоту на медведей и накопленных за много лет пяти тысяч долларов наличными) в знакомстве с таинственно-заманчивой дамой его сердца, носившей нежное имя Василиса.

* * *

Артем уехал, когда меня не было дома. Вернувшись с ненавистного рыбозавода, я нашел в своей двери записку: «Сохрани ружь-

ишко, чем хрен не шутит. Один ключ от хаты пусть будет у тебя, он под пеньком в сарае. Бывай здоров. А. К.».

Мне стало грустно. Это было то чувство, которое приходит к остающимся. Нам почему-то кажется, что уехавший человек обретает некую романтическую свободу, и тогда мы с грустью оглядываемся на окружающий нас мир и замечаем, что все уже давно до безразличности приелось нам здесь.

Я закопал в сарайчике завернутое в мешковину промасленное ружье, а вскоре уже почти и забыл о соседе. Минуло всего несколько дней, а я мог только иногда мельком, почти безразлично, подумать, что вот и еще один человек прошел перед моими глазами, прошел и навсегда исчез в моем прошлом, которое проглотило его, как глотает море брошенный камень. Отныне меня больше заботило, каким будет мой новый сосед. И уже навевывалась в наш дом дебилая прихрамывающая тетка с подбитым глазом, которую выживал с «законной площади» не менее законный супруг. Я не отдал ей ключ от комнаты Артема, сказал, что нужно повременить. Как однажды, по прошествии не более недели со дня отъезда, Артем вернулся.

Уставший после работы, я вечером валялся, не раздеваясь, на кровати поверх одеяла. Над ухом моим тихо многоэховым голосом, будто со дна колодца, приемник сообщал о чем-то потрясающем и кровавом. И вдруг я услышал шорох за стеной. Что-то еще стукнуло и стало ходить твердой массивной поступью. Я с опаской вышел во двор. Вечер был еще светел и золотист, однако никого поблизости не оказалось. Я подергал дверь в комнатку Артема, она оказалась запертой на крючок изнутри. Я стал стучать.

— Эй, кто там шарит? А ну открой, — голос мой получался грозным, хотя самому было не по себе — куда я с пустыми руками, надо было хотя бы гвоздодер для солидности прихватить... Дверь вдруг открылась, мелькнула фигура Артема. И уже спиной ко мне, согнувшись, он пошел назад, в глубь полутемной комнатки с зашторенным оконцем.

— Запрись — бросил он на ходу.

Я прошел, запер дверь. Он сел на кровати беспомощно, словно раненый, как-то сложившись, выставив и колени, и локти в сторо-

ны. И стал покачиваться, сверкая глазами из-под темной спортивной шапочки, обтягивающей голову. Я не знаю, каким было выражение на мордах тех медведей, убитых Артемом, в тот самый момент, когда пуля отправлялась из ружья им в лоб. Но мне кажется, что на почерневшем лице Артема слепой озлобленности было не меньше. Мне оставалось лишь довольствоваться тем, что озлобленность эта была направлена не на меня, а на какую-то неопределенность. Но больше всего меня поразило не настроение соседа, а его внешний вид. Он давно не брился, черная щетина подбиралась к самым глазам. И эта темно-синяя шапочка с красной надписью «adidas», несмотря на теплый день. Шапочка закрывала уши и обтягивала его голову слишком плотно, подозрительно плотно, были видны даже неровности крепкого черепа.

— Что ты так смотришь? — сверкнул он глазами.

— Да нет, ничего, — пробубнил я. — Эта шапочка...

— Ах, шапочка...

— Ты вернулся?

Он посмотрел на меня, как на докучливого идиота.

— А ты что, этого не понял?

— Да нет, я понял...

Он лениво полез в куртку, достал сигареты, закурил, но, сделав несколько затяжек, с каким-то жутковатым спокойствием бросил длинный окурочок на пол и наступил на него остроносой лакированной туфлей, в которой почему-то не было шнурка.

— Садись, — сказал он. — Нет, не садись... Достань. Там, в чемодане...

Я послушно сунулся к чемодану, щелкнул замками и, сразу сообразив, что именно нужно достать, извлек степлившуюся бутылку водки.

— Налей... И себе тоже.

Я взял с полки два стакана, налил. Тогда он снял шапочку, бросил ее на пол и хотел, видимо, наступить на нее (я перехватил его стремительный взгляд), но в последний момент все-таки сдержал порыв, дотянулся до стола, обхватил стакан широченной рукой. Я не смел вымолвить ни слова. Голова соседа была острижена наголо.

Безобразно острижена, местами ее покрывали черные клоки, торчавшие в стороны, как последняя шерсть на плешивой собаке, с левого виска свисала особенно длинная завитушка, а на темечке, напротив, блестела тонкая розовая кожица, такая же, как у детишек, у которых в этом месте еще нежно бьется родничок. Я подумал в ту минуту, что так, вероятно, стригут сами себя одичавшие в горах кавказские пастухи или тибетские монахи-отшельники, используя для стрижки не ножницы, а острый кинжал и работая им на ощупь. У меня едва не вырвалась никчемная шуточка: «Уж не сестра ли парикмахерша тебя так?» Но я вовремя смолчал.

Мы выпили. Артем молчал. Еще выпили.

— Где ружье? — наконец спросил он мрачно.

— Может, сейчас не надо ружье? — сказал я с опаской. — Потом как-нибудь...

— Нет, не бойся, — понял он меня. — Неси. Я завтра в лес уйду.

Я вышел в сарайчик, откопал сверток, потрепал мешковину от земли, вернулся, прислонил сверток к стене. Сел за стол напротив Артема. Но он уперся локтями в колени и опустил лицо в ладони, сидел неподвижно, только плечи еле заметно приподнимались от дыхания. «Плачет, что ли?» — с тяжестью подумал я. Тогда я налил еще по полстакана водки, подождал каких-нибудь перемен в соседе. Но тот оставался неподвижен. Я встал и ушел на цыпочках, чтобы больше не тревожить его.

Любопытство мое было велико, но, по природе терпеливый, я не подгонял коней, решил ждать утра и тогда подробно разузнать обо всем. Однако утром я уже не застал Артема дома. Несолоно хлебавши я ушел на рыбозавод.

Любопытство было удовлетворено лишь еще спустя неделю. Артем вернулся, когда начался буйный многодневный, памятный курильчанам тайфун, который почему-то так и не получил традиционного женского имени. Но Кунаширу он здорово навредил, сорвав шифер со многих крыш в поселках, а с некоторых домов даже сами крыши, обрушив десятки электрических столбов, завалив дороги павшими деревьями, выбросив на берег несколько мелких судов и бесследно похитив трех человек.

В первый день погода была еще терпимой, еще не летали по воздуху шиферные снаряды и не валялись на земле столбы и накрученные электрические провода, но свет, конечно, уже отключился. Холодные потоки ливня неслись ураганом параллельно земле, вода хлестала по стеклу, словно из брандспойта, и казалось, выдавит его. В комнате с подоконника на пол стекал водопадик, с мизинец толщиной, и скоро в широкой луже под окном можно было бы пускать кораблики, если б не крысиный лаз в полу, в который, как в шпигат, уходила вода. И все-таки (я не оговорился), по курильским меркам, погода в первые сутки была терпимая.

Из пространства, до краев заполненного взбесившимся ветром, водой, потопом, пришел Артем. Вечером, когда он разогревался спиртом, я обо всем узнал под страшный вой урагана. Артем с печальным лицом сидел за столом перед мерцающей свечкой и скорбным голосом рассказывал мне свою поучительную историю. А я, глядя на его лысую в непростиженных клоках голову, еле сдерживал смех. На глазах моих выступили слезы, которые ни при каких обстоятельствах не могли бы сойти за слезы сочувствия. И под конец я не выдержал — не рассмеялся даже, а бессовестным образом заржал. На что Артем, с укоризной посмотрев на меня, обиженно спросил:

— Что же ты смеешься, как гад?

Через некоторое время его историю знал почти весь остров, чему способствовал — каюсь — я (ну что с меня взять), так что и по сей день, хотя спутанная шевелюра Артема успела восстановить свой прежний вид, можно услышать такое:

— Артем, ты расскажи, как на материк к парикмахерше стричься ездил...

Со временем он перестал злиться на подобные оклики и мог вяло ответить: «Да, было, было...» История стала даже забываться, но с тех пор к нему приклеилась не совсем уместная кличка — Лысый, хотя называют его так исключительно за глаза.

А я и теперь не могу спокойно вспоминать о его московском сватовстве. Я и сейчас готов рассмеяться, когда представляю себе, как Артем спускается по трапу аэробуса в аэропорту Внуково. На Арте-

ме — приталенный вельветовый пиджак кофейного цвета, такого же цвета кримпленовые клешы, лакированные остроносые туфли на высоком каблуке. Из одежды его сыпалась пыль восемьдесят второго года, эпохи, которая давным-давно уже умерла, обвалилась в яму из неосторожных рук могильщиков.

Материк начал раздражать его с первых шагов. Материк был уже совсем не тот, каким Артем видел его последний раз десять лет назад. Три дня уже Артем был в дороге, двое суток на теплоходе до Сахалина, а потом долгий перелет в аэробусе, и его утомленные глаза, привыкшие созерцать величественные ландшафты Курил, не могли теперь разом вместить всего увиденного. Эта мишура, мельтешение толп, вывесок, реклам и, главное, торговли, такого невиданного обилия торговли, ослепили его еще в аэропорту. Ярмарка, сплошная ярмарка, материк надел балаганный наряд. Голова Артема разболелась в зале ожидания, а уже дальше он и не шел по этому пространству, а был ведом, несом некоей толкающей силой, которая, наверное, обнаруживается только в сильной реке, если попасть на пережат.

И вот, получив в багаже допотопный фанерный чемодан с металлическими уголками, обтянутый желтым дерматином в мелких ядовито-зеленых цветочках, он направился к выходу. И надо ли говорить, что этот таежный человеческий экземпляр, это чудо-юдо с оттопыренными денежными карманами представляло собой лакомейший кусочек для оккупировавшей выход таксующей шоферни, этих извозчиков и по роду занятия и по сути своей, этого народца, обладающего особым кодексом бесчестья и особой психологией негодяев.

Артема «взял» первый же из них, кожаный мужичок с неуловимым лицом, словно и не имеющий лица, а имеющий только что-то стремительное под длинной белобрысой челкой. И Артем сплеховал в первую же секунду. Когда мужичок-шустрячок вцепился ему в руки и неистово возопил: «Поехали, шеф! По спидометру беру!» — Артем как-то расслабился, обмяк — может быть, от усталости, может, от выработавшейся за много лет доверчивости. Сплеховал, хотя знатоки на Курилах и советовали ему ехать на маршрутке Внуко-

во — «Юго-Западная», а там — на метро, а там своим ходом, а там уж и на лифте... Артем спросил: «По счетчику? И скоко?» А спросив и получив ответ: «По-божески — «чирик» за версту», — Артем уже не смог отступить — иначе зачем тогда спрашивал. А сколько это, чирик — много ли, терпимо ли? В уме он все-таки смутно прикинул — но опять же с опозданием, когда уже тащился следом за «благодетелем», — московские расстояния и понадеялся, что рублей в триста уложится. Какая мелочь для обладателя пяти тысяч «баксов», которые, правда, уже немного подтаяли за дорогу, но в конце концов один разок можно и шикануть. А в дороге, что уж там, выпьет он пивка — пока дожидался багажа, купил две бутылки пива да еще и две бутылки водки (не с пустыми же руками ехать к сестре). Стекло добро это держал теперь в полиэтиленовом пакете с изображением отяжелевшей от мяса и силикона чисто вымытой почти гологрудой женщины. Пожалуй, что этот пакет и расслаблял его и отвлекал больше всего от превратностей путешествия.

Бросив чемодан в услужливо открытый багажник, а потом усаживаясь в переднее кресло голубого «Жигуленка», Артем допустил еще одну, совсем уж непростительную ошибку. Когда водитель включил стартер и спросил: «Так куда едем, братан?» — он как-то запомнил новый адрес сестры, которая не так давно переехала в Чертаново, и рассеянно полез во внутренний карман пиджака, где лежало письмо с обратным адресом. Надо полагать, что шоферюга, видевший такие манипуляции бестолкового клиента, даже прихрюкнул от удовольствия и, заметно повеселев, задал еще один вопрос: «Что, первый раз здесь?» Уставший Артем буркнул: «Да». Этим «да» он хотел сказать, что первый раз попал в аэропорт Внуково, так как раньше прилетал в Домодедово, но шоферюга, вновь прихрюкнувший, растолковал, видимо, ответ по-своему, решив, что «сибиряк» никогда еще не видел Москву. Водитель показал Артему на спидометр:

— Вишь, последние три цифры — пятьсот двенадцать. — И добавил, сильно нахмурившись, отчего неуловимое лицо его на секунду застыло, так что можно было бы на нем прочесть что-то, будь Артем внимательнее: — Однако в путь.

Они выехали.

— Так ты с Сибири? — сразу осведомился шоферюга и, узнав, что клиент живет еще дальше, на Курилах, зацокал языком: — Да-леко-то как... А холодно!

Артем улыбнулся, но возражать насчет холода не стал, он извлек из пакета пиво и теперь неспешно отхлебывал из горлышка, а пакет держал на коленях и косил на него левым глазом. Но и снаружи было множество впечатлений, притягивающих к себе взор. И Артем совсем скоро ошалел от всей этой несущейся навстречу ему непомерно огромной разросшейся цивилизации, этой широченной автострады, от вида которой он совсем отвык, от жуткого обилия новеньких красивых автомобилей, гигантских зданий, которые росли и приближались, наваливались на него тысячеоконностью, ячеистостью, перенаселенностью... И вот дома приблизились и выросли в скалы, в белые, точенные гигантами известняки, и опять засновали толпы, толпы, автомобили, рев моторов, и вывески, рекламы, огромные яркие щиты вдоль дороги, поперек дороги, и надписи, и лица, и полуобнаженные женщины, улыбающиеся в полу-улицы! Дух захватывало.

Шоферюга, этот изгой порядочности, этот асфальтовый червь, еще несколько раз изрекал об островах какую-то несусветную глупость, на которую Артему реагировать совсем было некогда. А шоферюга, исправно заговаривая клиенту зубы, как водится, уже переселял на восток и север свою родню, komponуя ее, по его смутным географическим соображениям, поближе к Курилам. И «брательник» его в Магадане работал, и дядя с тетей под Хабаровском жили, да и сам он, оказывается, поездил... Хотя, думается, «брательник» его никогда не выезжал дальше Мытищ, промышляя, может быть, мелкой торговлей бабьими трусами на вещевоm рынке, а вся остальная родня жила в каком-нибудь Чернском уезде Тульской губернии, честно обрабатывая свои сотки, попивая горькую и совсем напрасно завидуя племянникам, родители которых когда-то сумели зацепиться в столице.

Скоро машина достигла сложной дорожной развязки, огромного заасфальтированного осьминога, полукругами распустившего на

стороны свои щупальца, куда-то спустилась по закрученной петле, выскочила еще на одну просторную трассу. И уже минут десять они мчались в стремительном автомобильном потоке, то нагоняя, то чуть отставая, за одной и той же машиной, белой, с высоко задранной толстой кормой, облепленной красными и бордовыми квадратными фонариками. Так что Артем скоро чувствовал чуть ли не родственность к тем, кто сидел в том автомобиле.

Город, затянутый розовой дымкой смога, его огромные дома-скалы, отодвинулся вправо. Солнце, сместившееся за спину, вырезало город из пространства, и Артему начинало мерещиться, что такую грандиозность не могли возвести простые люди.

Еще одна развязка-спрут легла перед ними, автомобиль завертелся в бетонном, блестящем, сумасшедшем пространстве, улетая будто в подземелье, и вынырнул уже среди города. Поток машин, плотный, многоголовый, стремительный, втянулся в улицу.

«Москва...» — бессвязно подумал Артем, и ему стало тепло на душе. Мимо мелькали спальные кварталы. А скоро вдали поплыли сталинские «ракетопланы». Потом все гуще пошли старые дома, а среди старых, напротив, новые, невиданные, словно с открыток западных городов. «Вот, настроили...» — удивлялся про себя Артем.

И вдруг все это стремительное движение прекратилось.

— Что ж ты будешь делать, — заругался шоферюга, — думал, проскочу.

Автомобиль попал в пробку, десятки машин вокруг, десятки лиц, упакованных в кабины. И ведь каждое лицо, каждая голова — человек, личность, наполненная своим смыслом. «А они ведь никто этого не замечают и не знают», — подумал Артем.

Опытный тачководитель, поскрипев зубами, вывернул руль, бросил машину правыми колесами на тротуар и, пролетев несколько десятков запрещенных метров, юркнул в переулок, повернул в обратную сторону, и еще раз вправо, а потом влево, помчался дальше.

Что-то мелькнуло впереди, краснозубчатое, но тут же скрылось в домах. «Кремль», — с волнением узнал Артем. Машина вскоре вырвалась на набережную, и Артем увидел пронесшуюся вдалеке огромную застывшую фигуру среди непонятной городильни.

— Что это? — спросил он.

— Да это же памятник Петру, — воскликнул водитель. — Ты что, мужик, телек, что ли, не смотришь?

— Нет, не смотрю, — честно признался Артем. — Для телека напряжения не хватает.

— Ну ты даешь, брат! — Водитель от восторга даже прихлопнул ладонями по баранке. — И газет не читаешь?

— Редко, — опять сознался Артем.

— Ну, тайга... Ну, тайга... Ты хоть про храм Христа Спасителя слышал?

— Слышал.

— Да сейчас покажу. Да вот же он.

Золотой грандиозный купол проплыл, кажется, над ними и скрылся почти тут же за красно-пегой городьбой немецких домов.

Помчались дальше.

— А это что?

— Это ж банк! — Шоферюга даже забыл о дороге, вывернулся, чтобы проводить взглядом здание банка. — Вот живут люди, учись, тайга... Ворочают страной, как хотят...

А через некоторое время опять потянулись спальные кварталы. Оперативный простор, на спидометре стрелка покачивалась у цифры «100». Солнце переместилось вправо.

Это была Москва его юности — пяти- и девятиэтажная, спальная, где-то в такой же Москве был его двор, его стадион, его кинотеатр, школа, парк, «клетка»... «Надо сходить, проведать, — думал он, — обязательно...»

Солнце развернулось в лицо. Тяжелый шар сиял сквозь город, сквозь смог, и Артему машинально, совсем не углубляясь в мысли, думалось, что едут они в сторону юга. Сначала ехали так, что солнце светило в правую щеку, потом — в спину, и вновь в правую щеку, а теперь вот повернули на юг. Сильна охотничья привычка все время поглядывать то на солнце, то на звезды, то на ветер. Но он бы, пожалуй, еще долго пребывал в прострации и не придавал значения этой смене сторон света, если бы машина не повернула на запад.

«Щелковское шоссе», — мелькнула надпись на доме. «Это где-то не там, — подумал с холодком Артем. — Это где-то совсем в другом месте... Заплутали. — И еще добавилось как бы само собой, будто из посторонних уст: — А не долго ли тебя колесят? Развесил уши...» Ехать нужно всего лишь в Чертаново, а они петляли уже не один десяток километров, раза два пересекли Москву-реку, миновали центр. Или, правда, совсем одичал, отупел, забыл все на свете? И где оно, это Чертаново? Ну как же где, вот так, чуть наискосок, в южной части Москвы. Или там не Чертаново, а черт-те что?.. А где Чертаново?.. Да нет же, там оно и должно быть, где и четверть века назад было... А мы где сейчас? А вон где: улица Уткина. А где это?..

Шоферюга продолжал беспрерывно говорить, был уверен и спокоен, машина покорно подчинялась малейшему движению его пальцев, небрежно лежавших на баранке. Артем же больше не проронил ни звука, машинально допивал вторую бутылку пива. И он еще какое-то время пытался отогнать все эти тошнотворные мысли. Но, как ни упряился, все-таки ему пришлось понять, вернее, понял он это уже минут десять назад, но теперь пришлось заставить себя признать, что его совершенно беспардонно «катали».

Опять переехали Москву-реку.

Артем стал хмуро посматривать на водителя, который, наверное, воспринимал замкнутость клиента за таежную природную угрюмость. Но Артема сковывало непроходимое злое упрямство. Особенно его бесили руки шоферюги. «Пальцы толстенькие, красные, в конопушках, — рассказывал потом он мне. — А одного — мизинца — нет. Вот я и думаю, на какой такой работе эта падла потеряла палец? Он же не должен нигде ТАК работать, он же — мразь...»

Мне, человеку неуравновешенному, трудно понять Артема, я не смог бы, насупившись, молчать, а закатил бы скандал при первом подозрении, что меня хотят надуть. Но Артема словно парализовало.

А солнце между тем переместилось на левую щеку, а потом опять зашло за спину. Круг, так сказать, замкнулся. И времени прошло уже порядком — давно закончилось пиво — пустые бутылки катались в ногах. Да и водитель, этот паразит руля, видимо, сообразил, что пора уже сушить весла. Они, наконец, въехали в Чертаново,

стали петлять по району, отыскивая дом сестры. Когда машина остановилась у нужного подъезда, спидометр показывал на сто пятнадцать километров больше, чем при выезде из Внуково.

Артем холодными руками молча достал пачку денег, при виде которой водитель сглотнул комок, отсчитал тысячу сто пятьдесят рублей, отдал. Деньги, стремительно мелькнув в быстром опытном пересчете, тут же исчезли, растворились в шоферских глубинах. И Артем неожиданно положил сверху на его гладкие руки в кофейных конопушках еще сто рублей. Удивительна была даже не эта глупость Артема, а то, что руки шоферюги даже не притормозили, не задумались, а сразу, без промедления схватили и эту совсем уж незаслуженную бумажку.

Что-то связанное с гордостью, самолюбием, зудящее, отрешенное и злое, побуждало делать моего соседа глупость за глупостью. Подвигло оно Артема достать из пакета одну из двух бутылок водки и протянуть водителю:

— Держи.

Взял тот, как должное, и бутылку. Но Артем и в этот момент еще не успел подумать (позже он рассказывал мне, что как раз здесь он и подумал, но я-то знаю его основательность, уверен, что подумал он несколько позже, вот когда уже вышел из машины, тогда только, наверное, и подумал с откровенным, почти детским ужасом о шоферюге): «Неужели он себя тоже называет человеком?..»

Вышел, обогнул машину, положил пакет с оставшейся бутылкой водки у бордюра, дождался, когда шоферюга извлечет из багажника чемодан и захлопнет капот. Только тогда Артем и взял его левой рукой за грудки, за кожанку, приподнял, так что шоферюговские ноги в белых кроссовках свободно заболтались в воздухе. И самоуверенный мужичок сразу сник, он и не подумал отбиваться, а бесформенно повис на сильной руке, неуловимое лицо его стало вдруг темным и кислым от тяжелого предчувствия, он только и смог вымолвить:

— Ты чего, братан?..

И Артем как-то сразу угадал ускользящий возраст по этому внезапно потемневшему лицу — лет тридцать всего.

— Понимаешь, гад, — сказал Артем, запинаясь от волнения. — я коренной москвич... родился здесь. Я в сборной МГУ... Да я... А ты меня катал и катал. — И тюкнул шоферюгу кулаком в лоб. Тюкнул не так чтобы сильно, но достаточно, чтобы от этого удара в лоб из носа шоферюги густо брызнула кровь. Артем бросил его на капот автомобиля, а сам подхватил пакет, чемодан и зашагал к подъезду. А там перед ним выросла жуткая сплошная железная дверь черного цвета. Артем подергал — было заперто. Он со злостью бросил чемодан у ног, стал ждать какого-нибудь жильца, чтобы вместе с ним и зайти внутрь. Нарочно не оборачивался. А за спиной немного поскулило голосом шоферюги. Потом затопало, опять все замолчало. Артем полуобернулся: «Жигуленок» так и стоял на прежнем месте, но белобрысого нигде не было. Артем опять подергал дверь. Тишина. Присел на краешек чемодана, больше опираясь на ноги, чтобы не проломить старую фанеру. Достал сигаретку, закурил.

Через несколько минут он увидел, как из-за угла спешит его шоферюга, зажимающий нос платочком, в сопровождении двух людей в серой форме. «Ну вот, опять они...» — с холодом, со злой обреченностью сказал сам себе Артем.

Гордого, но послушного Артема посадили в ржавый, давно не крашенный «уазик», отвезли в околоток. Там у него отобрали чемодан, паспорт, деньги и в полутемном коридоре с единственной лампочкой посадили на жесткий стул в ряду других таких же стульев, сколоченных в единое целое продернутой под сиденьями длинной доской.

Но что-то все-таки произошло в это время в пользу Артема. Скорее всего, побитый шофер передумал писать заявление, шустрый этот малый, зажав платочком нос, один раз крутнулся в коридоре и незаметно ушел, видимо, понимая, что ему от знакомства с милицией тоже ничего хорошего не светит, что это он только сгоряча побежал за блюстителями порядка. Ну, получил в лоб — всякое бывает, работа ведь рискованная.

Но Артема не отпустили, про него будто забыли. Он сидел напротив двери, обитой важным вспухшим дерматином черного цвета, и терпеливо ждал и час, и два. И уже, наверное, сумерки где-то сна-

ружи начали опускаться на неприветливый город и зажглась там миллионоваттная иллюминация, а на него никто не обращал внимания. Из двери несколько раз выходил и через некоторое время возвращался лысоватый полный человек в гражданском темном костюме, не глядя в сторону сидевшего на лавке. Человек этот все время появлялся с сигареткой в зубах, и Артем, вновь почувствовавший, что в груди начинает разрастаться бешенство, в конце концов сам чуть ли не демонстративно достал сигарету и закурил, стряхивая пепел за лавку. Человек в костюме, в очередной раз проходивший мимо, вдруг остановился, с непомерным возмущением протянул:

— Ты чего это куришь здесь?

Артем, еле сдерживая себя, с вызовом произнес:

— «Кэмэл».

— Да ты чего пургу мне тут несешь? — разозлился тот. — Ты этот «Кэмэл» жрать щас будешь, м...звон!..

— Сам ты м...звон... — с каменным лицом парировал Артем.

И здесь уже совершил ошибку человек в костюме, себе же во зло: он решительно подошел к Артему и отпустил ему звонкую пощечину (вечер, свидетелей в коридоре не было). И Артему ничего не оставалось делать, как второй раз в этот день тюкнуть кулаком человека в лоб. Милиционера в гражданском костюме отнесло к противоположной стене, головой под стулья.

На шум сбежался, наверное, весь околоток. Артема скрутили, отволокли в железобетонный закут без окон. Там его раздели до трусов и сделали «ласточку». Артем с большим знанием дела рассказывал об этой экзекуции и добавлял, что в общем-то любому телу, даже обросшему жиром, можно придать необыкновенную гибкость. При «ласточке» руки — локоть к локтю — накрепко связываются за спиной бечевкой, а потом к скрученным локтям подтягиваются ноги. (Мне кажется, что более уместным названием этойкой фигуры было бы «колесо», а не «ласточка».) По скрученным рукам, ногам, а равно по выпяченным ребрам и животу и наносятся удары дубинками. Надо полагать, что человеку с умеренным здоровьем следует избегать такой процедуры. Артем ее выдержал. Связанный

замысловатым образом, он и был сначала избит, а потом острижен тупыми ножницами. Стриг его лично ушибленный в лоб человек, лицо которого под обоими глазами уже заплыло жирными синяками. Чтобы хоть как-то компенсировать обиду за такой косметический урон, человек этот вполне верно угадал меру мести.

На рассвете Артема отвезли в парк, выпихнули из машины, бросили следом одежду и чемодан. Понятно, что бутылку водки стражи присвоили себе. Когда же он оделся и поискал деньги, то понял, что ему также не вернули и четырех тысяч четырехсот долларов, оставшихся у него после перелета. Но вот что было по-настоящему удивительно (на Артема это почему-то несколько не произвело впечатления), десять с небольшим хвостиком тысяч рублей, которые он успел наменять еще на Сахалине, и документы блюстителю порядка все-таки запихали в карман его вельветового пиджачка. Десять тысяч «деревянных» — как раз та сумма, которой вполне хватало на дорогу до Курил.

Артем не слишком долго задавался известным национальным вопросом: по прошествии всего нескольких часов он уже сидел в кресле полупустого «ИЛ-86», который взял курс на восток, по маршруту Москва — Красноярск — Хабаровск — Южно-Сахалинск.

...Я смеялся самым бессовестным образом, слезно и надрывно. Когда же я немного успокоился, он с глубокой обидой сказал:

— Что же ты смеешься, как гад?

— Как же мне не смеяться? Во-первых, то, что с тобой случилось, было в общем-то неизбежно, стоит на тебя только посмотреть: ты ведь создан быть жертвой шулеров. Но ты даже не поставил рекорд — тебя обчистили все-таки не у трапа самолета, а как-никак позволили торжественно вступить в столицу. А во-вторых, смеюсь я от радости: ты жив, и этот факт ничего, кроме радости, не достоин. Ведь что ни говори, а десять тысяч рублей, которые у тебя остались на кармане, — весьма солидная сумма, за которую сегодня прикончат, глазом не моргнув. А посему я прихожу к выводу, что те менты были просто носителями добродетели: они подарили тебе жизнь, подарили десять тысяч на обратную дорогу, а плюс ко всему даже сделали тебе молодежную стрижку.

— Пошел ты знаешь куда... — проворчал он. — Я всегда говорил, что ты просто п...бол.

— А что ж, и пойду, — продолжал смеяться я, — Но не туда, а в магазин за пузырярем. Надо обмыть твое сватовство...

* * *

Зима выбелила остров, сильные ветра выдувают из нашего жилища последнее тепло — не натопишься. Артем собирается на охоту. Через пару дней он влезет в толстые ватные штаны, наденет теплый бушлат на цигейке, выменянный на какой-то охотничий трофей у вертолетчиков, взвалит на плечи тяжеленный непомерный рюкзак, подхватит безотказное старое ружьишко и уйдет на лыжах в сопки.

Наверное, я больше никогда не увижу этого человека, судьба моя складывается так, что самому мне скоро придется уехать с острова, вернуться в тот денежно-вещевой ад, где и сам я родился, где жил и откуда бежал несколько лет назад на край света. Мы называем этот ад материком, но он ждет нас, подобно злой мачехе, имея за душой только одну мысль: как бы обобрать нас до нитки, унижить и растоптать. И я заранее пытаюсь предугадать, предузреть роковой образ того белобрысого тачководителя, или того мента, или торгаша, или бандита, или чиновника, которые с такой страстью вождедеют встречи со мной.

Мне грустно расставаться с моим соседом, ведь мы успели сдружиться. И я немного завидую ему — те, кто поездил по свету, поймут меня, они знают, что это то самое чувство, которое каждый раз приходит к тебе, когда ты вынужден уезжать: нам почему-то кажется, что нет ничего надежнее и уютнее того места в мире, которое обрели, в которое вжились те, кто остается.

Александр Кузнецов-Тулянин

Человек из рая

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *Т. Михайлова*

Художественный редактор *О. Скочко*

Корректор *Ю. Баклакова*

Компьютерная верстка *Е. Яковенко*

Подписано в печать 24.12.07 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 60 000 экз. Заказ № 0721560.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 февраля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Детская энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	О. Генри. Собрание сочинений: В 5 томах	995 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Островский А. Собрание сочинений: В 6 томах	1014 р.
Авенариус В. Собрание сочинений: В 5 томах	990 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Алданов М. Собрание сочинений: В 8 томах	1232 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Ремарк Э. М. Собрание сочинений: В 8 томах	1592 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Сабанеев А. Собрание сочинений: В 8 томах	1456 р.
Гиббон Э. Закат и падение Римской империи: В 7 томах	1386 р.	Сабатини Р. Собрание сочинений: В 10 томах	1820 р.
Горький М. Собрание сочинений: В 6 томах	936 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Сименон Ж. Собрание сочинений: В 10 томах	1990 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Карамзин Н. Полное собрание сочинений: В 18 томах	3060 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Купер Ф. Собрание сочинений: В 9 томах	1845 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Лесков Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1015 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
		Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.